

Много ролей сыграл Симонов в театре и в кино. И благодаря экрану мы и сегодня каждый раз уходим взволнованные от встречи с его могучим талантом, живым, страстным и неповторимым. Талант Симонова был огромного диапазона. Природа наградила его всем для создания ролей взволнованной страсти, бурного темперамента, душевной романтики, глубочайшей человеческой правды и доброты. И были образы, где вся палитра симоновских красок, вся гамма чувств рождала образ. Это было в Петре Первом, Федоре Протасове, в Маттиасе Клаузене, в Очарованном страннике, в Сальери и во многих других сыгранных и несыгранных ролях. Да, и в несыгранных. Многие образы он хотел сыграть на сцене, и они жили в нем долго, так и не увидев света рампы.

Вскоре после войны, кажется, в 1947 году, я впервые увидел Симонова близко, на встрече у нас, в Академии художеств. Весть о том, что Николай Константинович придет к нам в гости со своим творческим вечером, быстро облетела всю академию, и все мы взволнованно ждали его. Мы знали, что для Николая Константиновича это необычная встреча, ведь он шел в свой дом, шел на встречу со своей юностью. Именно сюда, на Васильевский остров, в 1919 году с берегов Волги приехал молодой Николай Симонов, чтобы стать художником. Он учился у замечательных мастеров Браза, Рылова и Петрова-

К 80-летию со дня рождения Н. К. СИМОНОВА

ТАИНСТВЕННАЯ ГРАНЬ

Водкина. Талантливость больших художников проявляется очень широко, и именно в мастерских Академии художеств в молодом художнике Николае Симонове стал рождаться артист Симонов. Первые ценители — его товарищи по мастерской. В их среде он чувствовал себя свободно и доверял им, и, наверное, они, его товарищи, писавшие холсты рядом с его мольбертом, в чем-то помогли ему на пути к театру. Труден первый шаг. Уже много позже мне рассказывал Николай Константинович, как был непонятно удивлен Аркадий Александрович Рылов, его учитель, когда он сказал ему о своем желании идти в театр, на сцену — учиться. Аркадий Александрович знал, конечно, о его многогранной талантливости и все же был удивлен: «Как, в театр, зачем, твое место здесь». Нет, театр оказался сильнее. Отпуская его, Рылов дебатил: «Но, помни, двери моей мастерской всегда для тебя открыты».

Три года провел Николай Симонов в Академии художеств. Прекрасные художники, его учителя, навсегда сохранили в нем любовь к живописи. Симонов не вернулся в академию, он стал великим артистом, но все свободное время он отдавал живописи, пожалуй, о нем можно сказать, что всю свою жизнь он прожил в большом мире искусства, и именно оно было сутью его жизни, а живопись, его первое пристрастие, помогала ему создавать удивительно могучие, ни с чем и ни с кем не сравнимые образы на сцене.

Все это я узнал много позже, а тогда, в тот вечер, я с волнением вглядывался в него, любовался удивительной красотой этого человека, и все мы были причастны к чему-то одному. В волнении был и Николай Константинович. Наверное, глядя на нас, он видел себя в этих старых знакомых стенах, он вернулся в Академию художеств и как большой дар принес нам свое искусство.

После этого вечера, очень долгого, наполненного радостью, я стал чувствовать какую-то особую близость к Николаю Константиновичу. Я не пропускал ни одной его роли, но в жизни мы не встречались. В конце пятидесятых годов я очень захотел написать его портрет, но эта мысль, мелькнув, так и осталась бы желанием, если бы не случай.

В 1962 году директором театра драмы имени Пушкина был назначен мой добрый друг. Естественно, что уж тут-то я зачастил в театр, и не просто на спектакли с участием Николая Константиновича Симонова, а на правах друга директора стал ходить и на репетиции. Как я хотел написать его портрет! Вскоре после премьеры «Маленьких трагедий» я сказал моему другу о своем желании, а он отнесся к этому так просто: «Ну, вот и хорошо, пойдём, я познакомлю тебя, вы и договоритесь». Познакомил он нас в этот же вечер, познакомил и оставил меня один на один с Симоновым. А я сидел и смущался, Николай Константинович тоже смущался, а я не знал, как и с чего начать наш разговор, мямлил что-то, потом все же решился. Николай Константинович согласился сразу, но тут же сказал, что работать мы сможем начать не раньше осени, он за-

нят на съемках фильма. Мы условились на начало сентября.

Была какая-то невидимая черта, какая-то скрытая грань, разделявшая Симонова-актера и Симонова в обычной жизни, и я не переставал удивляться ей от первой нашей встречи и до самого конца. Я никогда не видел в нем актера, казалось, что все созданные им изумительные образы на сцене так и оставались где-то за этой гранью, может быть, они продолжали свою таинственную жизнь там, в театре, и вновь соединялись с ним, как только, идя к нему, он переступал порог театра. В этом было что-то непонятное мне, и впервые я видел нечто подобное. В этом было что-то сказочное, фантастическое...

Многое приходило на ум мне потому, что Симонов на сцене и в жизни — это явления разные. Конечно, они существовали в нем едино, но так уметь сберечь в себе образ, им созданный, пряча его от всего в полной тайне, от всех до выхода на сцену, мог только он! Никогда за все годы нашего общения я не мог увидеть в Николае Константиновиче никаких внешних признаков ни одного созданного им образа, все было закрыто, все спрятано, все сохранено. И в то же время передо мной эта удивительная красота возможностей — красота человека, его лица, движения, голоса. Но это — Симонов-человек. Никакого актерства. Никакой поэмы, никаких интонационных нажимов голоса. Николай Константинович был застенчиво закрыт от мира, он мог, углубленно уйдя в себя, быть добрым, ласковым и радоваться живому миру жизни.

Солнечным осенним утром он пришел ко мне в мастерскую. Я волновался не только оттого, что Симонов явился ко мне! Пришел художник, как он отнесется к тому, что увидит у меня, это всегда и всякого художника волнует. А он обрадовался, просто обрадовался: «Боже! Как хорошо у вас, как хорошо!».

Я стал показывать ему, а он смотрел с интересом и с радостью и, разглядывая портреты, интересовался, кто написан, что за человек, а мне, в свою очередь, очень хотелось поговорить с ним о том, как он работает, что пишет. Ведь для меня это была тайна. Я знал, что он очень ревностно относится к своей работе, очень редко кто мог видеть его работы.

Наконец, он сам сказал: «Ну что ж, ведь вам же нужно работать. Ну как, где мне сесть, я ведь не знаю, что вы хотите...» Труден был первый сеанс. Я волновался, я боялся утомить его, хотел найти интересную позу. А он так просто и естественно сел на красный диван, закурил папиросу, несколько раз затянулся, глядя куда-то перед собой, потом быстрым движением повернул голову и посмотрел на меня, глаза и рот чуть тронулись какой-то внутренней скрытой улыбкой. «Ну вот, портрет и сел, может быть, так и хорошо?» — «Очень хорошо, Николай Константинович, просто прекрасно, вот только надо написать теперь».

Так началась наша работа, она продолжалась долго, потому что между сеансами были иногда долгие перерывы. Первый холст у меня не пошел, я очень

волновался, никак не мог скомпоновать, а помог он мне сам, и помог тем, что все ему нравилось, что он понимал художника, — и волнение мое было ему понятно.

Как-то однажды после сеанса он предложил мне: «А знаете, поедете ко мне, если хотите, покажу вам то, что я делаю, посмотрите мои работы, пообедаем вместе, а то я вот у вас все, а у меня вы еще и не были». Я с благодарностью согласился.

И вот я впервые в доме Николая Константиновича. Очень можно было бы удивиться, но я уже больше открывал для себя этого человека, вернее, он открывался мне сам, и квартира его была именно такой, какой она и должна была быть у Симонова, именно такой, и никакой больше. Здесь не было привычных в актерских домах памятных реликвий театра, не было никаких фотографий с дарственными надписями, никаких афиш, ничего от театра. Все только нужное и необходимое для жилья, для дома, для его чудесной и доброй семьи. Красивая гостиная, оттого что в ней можно читать книги, думать, работать, и все стены увешаны картинами Николая Константиновича.

В основном это мир Пушкина, самого любимого. Здесь и Борис Годунов, и Моцарт, и Сальери, и много других мотивов, навеянных Пушкиным. И это не поиски внешнего характера, не эскизы композиций отдельных сцен спектакля, а просто самостоятельное, оригинальное видение художника. Это то важное и необходимое в жизни, что возникает в воображении и требует воплощения в пластике и в цвете. Такая глубочайшая погруженность в драматургический материал всегда у художника Симонова искала пластический, цветовой и композиционный выход.

Но одновременно он писал много пейзажей, портретов и даже делал стенную роспись. Он не мог видеть гладкую поверхность печки, и она расписывалась различными сюжетами по всему объему. Летом Николай Константинович уезжал в Отрадное и писал пейзажи: деревенские залумченные избы, проселочные дороги, речки, мостки, букеты цветов — все его волновало и везде он искал себе душевный выход в природе.

Работ было очень много, в квартире пахло красками и лаком, стояли мольберт и палитра, и я не успел опомниться, как мой Николай Константинович переделался, он уже был в старых коричневых вельветовых брюках и в фуфайке, на них следы красок, в них он чувствовал себя лучше и покойнее, он дома, среди своих картин, кистей и красок. Вот только с материалами плохо, не все можно купить в магазине. «Ну, Николай Константинович, — говорю ему, — вы бы пришли к нам в Союз художников, вам бы все устроили». Нет, нет, он и слышать об этом не хотел. «Ну как же я приду? Да нет, что вы», — и я понимал, что ни за что не придет и ничего не попросит.

Долгим был этот день, мы много говорили о художниках, о картинах, о вещах, любимых нами, и совсем не говорили ни о каких театральных делах. Вечером, уходя от него, я пошел по невским набережным домой и думал о большом, безграничном богатстве души этого человека. О том, как чужды и враждебны ему всякая суеда и мелочные мельтешения жизни, которых так много вокруг нас, а что нужно ему единственное: постоянно создавать то, что есть смысл его жизни, — творить искусство. Играть в театре и писать картины для себя, искусство каждый день.

Алексей СОКОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР.